

Е. М. БЕЛЕЦКАЯ
(Тверь)

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В БЫТУ И ФОЛЬКЛОРЕ ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются межэтнические взаимоотношения гребенских казаков и народов Северного Кавказа в условиях мирной жизни и военных действий, их отражение в фольклоре XIX в., в образах казаков и горцев.

Ключевые слова: казаки, межэтнические взаимоотношения, исторические условия, этнокультурные взаимосвязи, фольклор.

Проблемы межэтнических взаимоотношений возникают, как правило, в многонациональном государстве, особенно ярко проявляясь в пограничных территориях, в местах совместного проживания разных народностей. Характер межэтнических отношений существенно влияет на социально-политический климат края, области, республики, что обуславливает необходимость изучения и объективной оценки происходящих процессов с учетом исторических факторов.

Материалом для исследования послужили наблюдения собирателей фольклора, рассказы информантов, зафиксированные во время этнографических и фольклорных экспедиций, замечания составителей сборников казачьих песен, дореволюционные публикации и современные исследования. Немало сведений о характере взаимоотношений между казаками и представителями других этносов¹ сохранились непосредственно в фольклорных тек-

¹ Этнокультурные взаимосвязи гребенских казаков и украинцев, проживающих в станицах, проявляются в наличии параллельно существующих обрядовых действий (колядование и щедрование, свадебные ритуалы), сходных песенных сюжетов на русском и украинском языках и др. (см.: [Белецкая 2005; Белецкая 2007].

тах, а также в литературных произведениях. История собирания фольклора на Терек свидетельствует о том, что песенное наследие гребенских казаков хорошо сохранилось и является основой для изучения этнической культуры старейшей группы терского казачества [Белецкая 2012].

Формирование гребенского казачества изначально было связано с разнотническим составом: в него входили представители многих северокавказских народов [Заседателева 1974, 34—35], что нашло отражение в смешанном антропологическом типе казаков. Это подтверждается и выводами современных антропологов, которые отмечают, что «генофонд кубанских, донских и запорожских казаков образует единый южный фрагмент восточнославянского генофонда», а терских казаков «занимает обособленное положение, указывающее на включение представителей коренных народов Кавказа в состав терского казачества» [Утевская и др. 2011, 553]. Пополнение числа казаков в Притеречье шло за счет различных социальных и этнографических групп русского населения [Косвен 1961, 246], а также украинцев, грузин, ногайцев и др.²

В Терской обл., по сведениям начала XX в., проживало около «двух десятков разноплеменных народностей», среди которых были чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, караногайцы, кумыки, армяне, евреи и др. [Караулов 2008, 210]. И в XX в. многие казачьи роды помнили о своем происхождении: Фроловы — от донцов, Тихоновы — от татар, Рогожины — от

² Так, например, в станице Гребенской Шелковского р-на нам говорили о происхождении тех или иных фамилий: Лимановы — из ногаев, Тамазины — из евреев, Уманцевы — переселенные, с-под Умани; среди исполнителей, фамилии которых называет в примечании Ф. С. Панкратов — тетка Леонтьевна Гяурова из ст. Щедринской [Панкратов 1895, II]. Памятью о гибели 500 гребенских казаков в Хивинском походе Бековича-Черкасского в 1717 г., вероломно истребленных хивинцами, стали фамилии, данные оставшимся при вдовах мальчикам по именам их отцов: Семенкин, Федюшкин и т. п. [Караулов 2008, 147].

калмыков [Ткачев 1912, 90], «*Молаевы, Харсеевы, Кульчуковы, Кучуковы — от горцев*» (Зап. от Алексея Ивановича Дмитриева, 1919 г. р., ст. Червленая, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Н. Н. Великая, 1989 г.) [ПМВ]. Наши информанты также сообщали, что, когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве своем жен не имели и воровали их у северокавказских соседей. Это привело к тому, что у червленцев, например, «*чисто русских и не осталось*» (Зап. от Якова Степановича Мишутушкина, 1900 г. р., ст. Червленая, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Д. Худайнатов. 1980 г.) [ПМА].

Родство гребенцов с чеченцами подтверждается генеалогией многих казачьих фамилий, в числе которых Гунюевы, Гулаевы, Закаевы и др. Гулаевы всегда радушно встречали своих родственников из чеченского тайпа Гунюй Веденского р-на, помогали им убирать и перевозить хлеб, поддерживали в случае нужды. По разным сведениям, гунюйцы бежали к казакам из-за кровной мести или из-за насаждения ислама [Калоев 1961, 49—50]. Таким образом, дореволюционные авторы неслучайно писали о гребенцах как о конгломерате местных народов, спаянных русской кровью и объединенных общей судьбой.

В результате всего перечисленного в жизни гребенцов возникло уникальное соединение «чисто русских основ с основами азиатскими: русский рубленый курень и азиатская мазанка — “избушка”»; старинные медные складни в киоте в переднем углу и по стенам оружие и конская сбруя³; сусеки для засыпки хлеба соседствовали с сапеткой (плетеной корзиной) для хранения кукурузных початков. Замкнутость «старообрядческого религиозного миро-

³ Во время фольклорных экспедиций 1965—67 гг. нам показывали и походные медные складни, состоящие из трех частей, которые помещались в ладони. У М. Ф. Докторовой на стене висело сплетенное из конских волос разного цвета украшение для лошади, состоящее из колечек, соединенных в цепочку. Сохранилось и название «*избушка*», где часто размещалась летняя кухня, основное помещение называлось «*дом*».

созерцания» сочеталась с постоянным якшанием с иноверцами («азиятами»). По словам того же автора, «мужественная стойкость в пешем бою, несмотря ни на какие потери, и лихое наездничество и безумная отвага рукопашного конного боя “по-кавказски”, — всё это невероятное смешение выработало из гребенца тип хозяина-воина редких качеств, всегда выделявших его из общей массы даже в среде таких войск испытанной отваги и удали, каковыми были всегда войска Кавказской армии» [Караулов 2008, 101].

Межэтнические связи гребенских казаков неоднократно отмечались не только историками, этнографами, фольклористами, но и писателями и поэтами. Хрестоматийными стали цитаты из повести «*Казаки*» Л. Н. Толстого: о том, что казаки, живя между чеченцами, «перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру», что казак «щеголяет знанием татарского языка» и что лучшее оружие «добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же» [Толстой 1981, 18—19]. Отметил писатель и красоту гребенской женщины, поражающей «соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины» [Там же, 20].

Немало сведений о взаимоотношениях русских солдат и горцев содержится в кавказских рассказах Толстого [Белецкая 2003, 64—66]. Эти же проблемы стали предметом изучения в современных исследованиях. Так, например, взаимодействию Российской империи с этническими группами, сложным системам отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами посвящена коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи» [Северный Кавказ 2007]. Отношения между казаками и горцами, как считают авторы, чаще представляли собой военное противостояние, что было связано с соперничеством за владение пастбищами в долине Терека, куда одновременно с

созданием казачьих станиц шло переселение горцев из горной Чечни. В военных столкновениях, которые происходили между гребенскими казаками и чеченцами, обе стороны применяли одни и те же методы: они «совершали набеги, угоняя у своих соседей скот и сжигая их поселения»⁴. Вместе с тем между казаками и горцами развивались торговые и культурные связи [Северный Кавказ 2007, 72].

Политика войскового правительства и казачьих атаманов по отношению к соседям-горцам, по мнению другого исследователя, определялось тем, что для русских генералов Северный Кавказ был всего лишь пограничной окраиной России, а для казаков — «их этносфера, их родина, которая обязывала к большей дипломатии и гибкости». Он же приходит к выводу, что влияние кавказской цивилизации на казачество было несравненно более мощным, чем влияние казачества на горцев; этносы, вошедшие в кавказскую сферу влияния, «трансформировались, принимая и впитывая кавказские стереотипы поведения». Это было обосновано и сходством стереотипов, так как само казачество на ранних этапах своего существования «культивировало дальние походы и набеги тоже как проявление удали и храбрости» [Гудаков 2007, 455—456].

Укреплению взаимоотношений способствовали смешанные браки, институты куначества и аталычества, которые одновременно развивались между горцами и казачьим населением. Так, по свидетельствам современ-

⁴ А. В. Венков описывает один из таких набегов во время Кавказской войны, когда казаки отбили ночью у чеченцев отару в полторы тысячи голов. По пути к хутору, где находилась отара, Бакланов вдруг сказал проводнику — местному мирному горцу, что они заблудились. Проводник обиделся: «Зачем говоришь? Ты здесь первый раз!» — «А где же сухое дерево?» — возразил Яков Петрович. — Справа пора быть сухому дереву, я его час уже высматриваю». Проводник был поражен, а когда пластуны нашли дерево верстах в четырех, он пришел в себя и произнес два слова: «Боклю — даджал», т. е. сатана. Чеченцы были уверены, что Бакланов связан с нечистой силой [Венков 2008, 225—228].

ников, «бывало, что в семье казака воспитывался сирота-ногаец, калмык или горец. Повзрослев, такие лица получали все казачьи права, становились настоящими казаками, и за них могли выйти замуж девушки-казачки» [Казиев 2003, 455—456]. Необходимо добавить, что у гребенцов-«батьков» (староверов) запрет жениться на русских и украинках, т. е. «православных», сохранялся вплоть до Великой Отечественной войны. Демографические процессы на территории Терского левобережья обстоятельно охарактеризованы Н. Н. Великой [Великая 2001а; Великая 2001б и др.].

Таким образом, принадлежность к казачеству наряду с вероисповеданием была решающим фактором в создании семьи. Во время фольклорной экспедиции 1965 г. в станице Шелковской мы встретили семью Петровых, глава которой был по национальности грузин, Петрашвили, поменявший фамилию после того, как его записали в казаки. Жена его — украинка; в семейный фольклор входили песни на грузинском, украинском и русском языках. Несколько песен, записанных от Т. А. Петрова, вошли в сборник Ю. Г. Агаджанова [Песни Терека 1974, №№ 122, 136—137, 140, 152]. В предисловии к этому сборнику Б. Н. Путилов обозначил своеобразную программу изучения взаимодействия и взаимообогащения культур: «Нашим этнографам, фольклористам, музыковедам, этнохореографам предстоит конкретно показать, какие черты кавказской горской культуры вобрало и как трансформировало терское казачество и что в свою очередь дало оно народам Кавказа» [Там же, 9].

Составитель сборника «Песни Терека» уделил внимание теме русско-кавказских связей, начиная с нартского эпоса, упомянув о светловолосом юноше, пришедшем на помощь голодающим горцам, о куначестве станичного казака и горца в илли об Ахмаде Автуринском. Он отметил, что терские песенники использовали в своем творчестве припев «делла», заимствованный из чеченских песен, хотя и не знали его перевода на русский язык. В текст былины об Илье Муромце, опубликованной

Б. Н. Путиловым, песенники вставили припев, заимствованный из кумыкских песен: «Ай вана най дысин, / Ай вана най» [Песни гребенских казаков 1946, 61]. Ю. Г. Агаджанов подчеркнул, что многие песни, придя на Терек из других областей России, подвергались коренной переделке, пополняясь местными названиями одежды («чекменник, бешметик да черная бурка»), которые перенимались вместе с самой одеждой и предметами быта. Большое распространение получили в казачьей песне такие слова, как *берданочка, черкесочка, якшаться, уздени, наиб, баста, арчак, шашка-атага, чумбур, хашал* и многие другие.

Отмечено автором вступительной статьи и воздействие народного творчества горцев в музыкальном плане, что проявилось в заимствовании музыкальных инструментов (зурны, двухструнной балалайки, барабана). Терцы восприняли от горцев не только мелодии песен, их припевы, но даже формы танца — лезгинки [Агаджанов 1974, 36—41]. К этому следует добавить, что и в конце XIX в. [Гребенцы в песнях 1895, VI], и в 1965—1985 гг. лезгинку исполняли под «скоморошные» казачьи песни, сопровождая ударами в барабан («тулумбас»), в роли которого часто выступал медный таз, или ритмичными постукиваниями ложками, вилками или просто ладонями по столу.

На мотив лезгинки в станицах до конца XX в. исполнялись частушки, к числу которых можно отнести и шуточную плясовую песню о Шамиле («На горе стоял Шамиль»), описанную и частично процитированную Л. Н. Толстым в рассказе «Набег» [Белецкая 2004, 210—211]. В начале XXI в. один из вариантов «Шамиля» был записан участниками фольклорно-этнографической экспедиции по Северному Кавказу под руководством Ю. Е. Чиркова на музыкальный компакт-диск «Оставляли мы станицу» от фольклорного коллектива станицы Старопавловской Кировского р-на Ставропольского края [Чирков 2009-4, 15]. Частушки под лезгинку записывались и в других станицах Кавказской Линии («А чем я

мужу не жена», «Заиграли музыканты и пустились ноги в пляс» [Чирков 2009-3, 13; Чирков 2009-5, 10]).

В станицах бытовали варианты мелодии (*кабардинка* и др.), поэтому частушка могла начинаться с затакта: «*А шила милому кисет, / А вышла рукавица, / А меня милый похвалил: / — Какая мастерица!*» (Зап. от Секлеты Фоминичны Данилиной, 1902 г. р., ст. Гребенская, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая. 1986 г.) [ПМА], — или без него: «*Я ходила по воде, / Комарики лезиют. / А кто милого полюбит, / Глаза повывлазиют*» (Зап. от Анны Васильевны Кубенёвой, 1913 г. р., ст. Гребенская, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая. 1975 г.) [ПМА].

В процессе записи частушек на мотив лезгинки наблюдалась следующая особенность: если первая частушка начиналась с высокой ноты и мелодия постепенно понижалась, то следующий куплет, напротив, начинался с низкой ноты, независимо от того, сколько было исполнителей, один или несколько. Создавалось впечатление, что чередовались партии первого и второго голоса.

На мотив лезгинки исполнялись не только местные частушки, например: «*Светит месяц, да неясно, / Половина месяца. / Гребенские все ребята / Без (от) любви бесятся*» (Зап. от Марии Фоковны Докторовой, 1903 г. р., ст. Гребенская, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая. 1967 г.) [ПМА] или: «*Как щедринские ребята / Взяли моду у купцов: / Они шьют себе сандалии / Из соленых огурцов*» (Зап. от Ефросиньи Екимовны Богдановой, 1921 г. р., ст. Старый Щедрин, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая. 1972 г.) [ПМА], но и все остальные, известные и в других областях России, за редким исключением (при несовпадении ритма).

Восприятие обычаев, особенностей характера, инациональной этики и взаимоотношений с соседями отразились преимущественно в прозе гребенских казаков и горцев. Фольклором горцев, который публиковался в выпусках «Сборника материалов для описа-

ния местностей и племен Кавказа» и «Сборника сведений о кавказских горцах», интересовался Л. Н. Толстой, делая различного рода пометки: закладки, подчеркивания, загибание уголков и т. д. Так, например, весь текст чеченского предания «О Тарасе русском», как замечает У. Б. Далгат, дважды отчеркнут ногтем на полях, есть и закладка. Предание повествует о Тарасе, человеке зажиточном и мужественном, который один остался в Чечне, «на своем прежнем жительстве», когда русские ушли за Терек. «Жилье его выстроено было на развесистом дубе; под ним содержался его скот и пчелы; таким образом один провел он два года. Слух о его богатстве распространился между чеченцами, но храбрость его удерживала их от злокозненных покушений». Наконец два зумсоевца, «прельстясь его богатством», решили убить Тараса. Сделав засаду за кустами, они привязали фитильное ружье к дереву и навели его на дверь дома. Зумсоевцы метким выстрелом убили Тараса, когда он возвращался в свое жилище. Однако «и мертвый он не свалился с ног, но умер, прислонившись к двери, и был еще им страшен. Полагая, что он употребляет против них хитрость, они только через два дня удостоверились в его смерти и тогда забрали его имущество» [Далгат 1984, 267].

Вызывает интерес и рассказ, приведенный в очерке Г. Малявкина, отражающий взаимоотношения казаков и чеченцев: «Ехали по полю два казака (один из них был ведун) и три женщины. Дело было под вечер. Вдруг показались 12 чеченцев и скачут прямо на них. Все, конечно, обмерли от страха, один только старик-ведун совершенно хладнокровен и успокаивает остальных. Между тем чеченцы вот-вот настигнут. “Ну, теперь заедем в Балку”, — произнес старик, когда чеченцы были чуть не в десяти шагах. Чеченцы целую ночь промучились, искавши: то подойдут к тому месту, где казаки скрылись, то вновь отойдут, пронесутся чуть не над головой, а все-таки не заметят. Слышно было даже, как разговаривали чеченцы: “Ведь вон и след, а их нет, что за чудо!” Они уже хотели ехать дальше, но лоша-

ди упрямо возвращали их на прежнее место. “Собака-казак видно мучает нас нарочно”, — говорили между собой чеченцы. Только поутру старик отпустил их» [Малявкин 1891, 52—53].

В этом тексте есть косвенное доказательство знания казаками чеченского языка, как и в двух других, записанных во время фольклорной экспедиции 1968 г. в станице Гребенской от М. Ф. Докторовой. Сюжет первого предания сводится к тому, что чеченцы собирались украсть у вдовы единственную корову, а женщина услышала их разговор и попросила не делать этого. — *«Вон там живет богатая женщина, у нее 7 коров, а у меня одна корова и семеро детей»*. Чеченцы не стали обижать вдову. Вряд ли разговор между ними шел на русском языке, и если вдова его поняла, следовательно, она знала чеченский язык, что довольно часто наблюдалось в казачьей среде.

В другом предании отразился случай, имевший место, по всей вероятности, в реальной жизни: чеченцы украли маленькую девочку, которая стала их пленницей. Ее все время стерегли, запирали на замок, чтобы не сбежала. Девочка выросла, вышла замуж за чеченца, родила ребенка. Теперь ее не стали караулить. Воспользовавшись удобным случаем, она вернулась в станицу, нашла свою мать, все ей рассказала, но в ответ услышала: *«Какая же ты мать, если бросила своего ребенка!»* (Зап. от Марии Фоковны Докторовой, 1903 г. р., ст. Гребенская, Шелковской р-н, ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая. 1968 г.) [ПМА]. Осуждение этого поступка как аморального вполне понятно; вместе с тем у чеченцев существовал обычай: в случае развода дети оставались с отцом.

Таким образом, в преданиях затрагиваются этические проблемы межэтнических взаимоотношений. Чеченцы признают храбрость русского человека, который остался жить в Чечне. И если русский Тарас все-таки был убит из-за богатства, то в предании о бедной вдове чеченцы показаны в роли «благородных разбойников». Вместе с тем межэтнические столкновения казаков и горцев были неотъемлемой частью их

взаимоотношений, о чем также свидетельствуют устные рассказы и песенный фольклор.

В содержательной статье Ю. Ю. Клычникова рассматриваются различные фольклорные источники, оставленные противоборствующими сторонами. В основе сюжета горских героических песен и преданий часто лежало описание набега. В вайнахских илли — историко-героических песнях чеченцев и ингушей — основное содержание определяется нормами поведения внутри рода, его благополучием и материальной поддержкой за счет добытого в честном бою с угнетателями (коварными, жестокими, несправедливыми), путем перераспределения добычи между обездоленными. Однако в случае нападения на казачьи станицы успех далеко не всегда сопутствовал горским отрядам, но их славная смерть, как в «Илли о Гамзате», по мнению народного сказителя, достойна того, чтобы ее «воспели в качестве примера для подражания» [Клычников 2003, 41].

Нельзя не отметить сюжет илли об Ахмаде Автуринском, не связанный с темой набегов, в котором описана встреча чеченского джигита, выехавшего поохотиться, и станичного казака. Ахмад видит коня, спокойно пасущегося на горной поляне, а под диким вязом — спящего казака. Первое, что приходит в голову джигиту — «Почему лежишь ты / На камнях под вязом? / Разве не имеешь / Кунака среди горцев? / Разве нет чеченца, / Чтоб тебе был рад он?» [Илли 1979, 208]. Отпустив своего коня, он тоже ложится спать, и ему снится, «будто конь казачий гнал его красавца». Оказалось, что это происходит и наяву; возникает конфликтная ситуация («испугал скакун твой моего двухгодка»), разрешить которую должен поединок.

После того, как выбрано оружие — шашка, которой оба отдают предпочтение перед ружьем, казак обращается к джигиту с такими словами: «— Не будь сиротою, / Ахмад Автуринский, / Не сочти за трусость. / Выслушай, подумай. / Если ты успеешь / И меня зарубишь, / Люди просто скажут: / “Казака при встрече / Зарубил недавно / Ахмад

Автуринский”. / Скажут и забудут...». В ином исходе поединка скажут, что Ахмад Автуринский «был убит каким-то казаком станичным». Поэтому казак предлагает чеченцу, который слышит в народе храбрым и бессмертным, показать свою удаль в других обстоятельствах. Ахмад соглашается, и герои, крепко обнявшись, становятся кунаками [Там же, 210].

Общение на межличностном уровне в илли об Ахмаде Автуринском, с учетом жанровой специфики, отличается от поведения казаков и чеченцев, описанного в исторических песнях о событиях Кавказской войны, в условиях которой обе стороны настроены враждебно. В казачьих песнях эти события изображаются в типичных сюжетных ситуациях: тревога, набег, сражение, плен, бегство из плена, гибель на поле боя. Иногда несколько сюжетных ситуаций объединяются в одной песне, но чаще выделяется доминирующий мотив и сопутствующая ему тема. Так, например, сюжет песни «Светила заря поздно вечером», связанный с именем майора Зачетова, который был атаманом гребенского войска с конца XVIII в. до 1818 г., содержит два мотива: бегство из плена и наступление на горцев. Второй мотив является основным, а первый, по предположению Б. Н. Путилова, взят из другой песни, которая не сохранилась.

Это одна из ранних песен о сражениях с горцами, что отразилось в ее поэтике. Так, например, в былинах о татарском нашествии присутствует эпическая формула «собака Калин-царь», в анализируемом тексте жители аулов Атаги, Ханкала, Алды характеризуются следующими словами: «Атагинцы-собаки собирались с ханкалинцами, / Ханкалинцы-собаки собирались с алдадинцами». В таком же стиле выдержано и дальнейшее описание: «Порыли себе шанцы глубокие, / Поделали себе завалушки высокие, / Не хотели пустить силу-армеюшку» Заканчивается песня верой в успех сражения: Зачетов пойдет впереди с «острой шашечкой» наголо, и — «разобьем мы силу неверную, / Ту силу чеченскую» [Исторические песни 1948, 77—78]. Песня бытовала в конце

XIX в., была опубликована Панкратовым [Гребенцы в песнях 1895, 80—81], а также почти без изменений сохранилась в рукописном сборнике конца XIX в. казаков 4 сотни лейб-гвардии его императорского величества конвоя из станицы Червленной⁵ [РС, № 56].

Если чеченцы для русских — «сила неверная», «орда», то русские для чеченцев — «гяуры», т. е. тоже «неверные». В песне «Садися, муж мой, на коня», опубликованной М. Карауловым как «чеченская песня», звучал прямой призыв — отразить незваных гостей: «В долине ставки казаков, — / Враги живут на Сунже нашей, / И пьют гяуры полной чашей / Чеченцев пламенную кровь». Призыв женщины «из битвы череп» привезти не находит поддержки, потому что муж остается защищать свой дом («Ермолову преграды нет, — / Меня убьют, я это знаю... / Но я никак своим врагам / Без боя сакли не отдам!»), а семья должна спрятаться в лесу. Реальную опасность, исходящую от русских, понимают и муж, и жена: «...Нам русский враг готовит сети: / Ермолов рать свою ведет, / Но он в лесу вас не найдет». / — «К чему же ты их станешь ждать? / Беги скорей, беги ты с нами! / Опасней грома русских рать: / Они убьют тебя штыками, — / Тебя отвага не спасет, / Когда Ермолов их ведет» [Караулов 1912, 145—146].

Студенты филологического факультета ЧИГУ записывали близкий вариант песни в станице Терской Моздокского р-на, что свидетельствует о популярности сюжета на Кавказской Линии (Зап. от Анны Павловны Резниковой, 1910 г. р., ст. Терская, Моздокский р-н, СОАССР. 1979 г.) [ПМА]. Изменения в тексте незначительные: разговорное *бежи* вместо литературного *беги*, *шашка*

⁵ Сборник хранился в станице Червленной Шелковского р-на у внучки певца Рогожина, который приходился ей дедом по материнской линии, Хаврониной Анны Евменовны, 1922 г. р. Скопирован почти полностью (около 120 текстов, так как встречались повторно записанные песни или их близкие варианты) в 1983 г. Песни написаны тремя разными людьми — Ф. Рогожиным, С. Пимычевым и Я. Феньевым. Рукописная копия сборника хранится в личном архиве автора.

заменена на *саблю*; опущены некоторые строки, характеризующие русских, Ермоллов упоминается только один раз. Текст явно книжного характера; как и пушкинская «Черкесская песня» из «Кавказского пленника», фольклорная по бытованию, тем более что в ней не пришлось ничего менять — ни Кубань на Терек, ни черкесов на чеченцев, как и «богатые станицы» на «Червленскую станицу» [Белецкая 2004, 83].

В казачьем рукописном сборнике был обнаружен текст «горской» песни (на слова А. А. Бестужева-Марлинского), которая начинается со слов «*Аллага аллагу, слава нам, смерть врагу*» и заканчивается призывом «*Аллага аллагу — славянам смерть*». Неизбежность гибели поющих передается через обращение к девушкам («*Плачьте, красавицы, в горном ауле, / Правьте поминки по нас! / Вслед за последнюю меткою пулю / Мы покидаем Кавказ*») и к матери: «*Мать моя, звезда души! / Спать ложись, огонь туши; / Не томи напрасно ока, / У порога не сиди, / Из далека, из далека / Сына ужинать не жди...*», потому что он лежит в степной пыли. «*Не плачь! О, мать! Твоей любовью / В нем билось сердце высоко, / И в нем кипело львиной кровью / Родимой груди молоко*» [РС, № 101]. Почитание матери у народов Кавказа является отличительной особенностью; широко известна ее роль в примирении кровников, прекращении поединков и в других ситуациях. Особое почитание матери отмечалось во время фольклорных экспедиций и в семьях казаков.

Иногда песня, литературная по происхождению, но фольклорная по бытованию, снова попадает в текст литературного произведения. Фрагменты одной из таких песен привел в повести «Юлька» Ю. Г. Агаджанов. Во время сбора фольклорного материала для дипломной работы герой повести, Кирилл Бабушкин, спрашивает у исполнителей, знают ли они горские песни. В ответ дед начинает петь: «Седлайся вновь, конь верный мой, / Затеем снова жизнь степную...». Песню подхватывают «двое других певунов» («Мне уже постылил дом родной, / Я в нем безмолвно лишь тоскую»), затем «бабы 133

тихонечко скулят» (гребенские женщины действительно пели очень тонкими, высокими голосами), подтягивают дедам: «Слыву наездником лихим, / Меня зовут Ходжи-Омаром / И шашкой — лезвием крутым / Не рассекал я воздух даром».

После паузы следует комментарий запевалы: «Отец мой сказывал, что энтот самый Ходжи-Омар абреком был, навроде Зелимхана. Отчаянно смелым был человеком. Много хлопот доставлял царским властям». Приводится еще одна строфа, характеризующая межличностные (а возможно, и межэтнические — в зависимости от значения слова «недруг») отношения: «Земли не заливал свинцом, / На ветер пороху не тратил, / Не мчался робким беглецом, / Но вечно с недругом не ладил...» [Агаджанов 1984, 75—76]. Продолжение текста по варианту рукописного сборника⁶ представляет собой обращение к деде, что дает основание для вывода о романтическом источнике песни, напоминающей по стилю и содержанию кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова: «И вот хотел покинуть я / Приволье жизни одинокой / В моих наездничьих краях / И всё забыть для черноокой. / О, дева! Вспомнишь обо мне, / А я гульну в степях широких / На богатырском скакуне...» [РС, № 100].

В сборнике С. А. Холмского [Холмский 1910, 142] есть песня «Генералу Физи», события которой относятся к подавлению мятежа в 1836—1837 гг., «переведенная с татарской» казаком станицы Слепцовой П. Гранадчиковым. В ней описываются беды, которые несет горцам русское войско (вариант текста приводится по рукописному сборнику червленских казаков; после каждого куплета повторяются слова «Делалай, делалай»): «Горе нам, Физи с войском стремится, / Где бы нам, как бы нам, братицы, укрыться? / Мы в горы, мы в лес, они все за нами, / Бьют нас и режут, колют штыками. / Прежде, как Физи к нам не являлся, / Прийти, нас

⁶ Текст в рукописном сборнике казаков отличается только написанием имени: «Меня зовут Аджи Амаром» и словом «дом», вместо которого употреблено «аул», в остальном совпадает полностью.

найти русский боялся. / К нам пришла, нас нашла грозная сила, / От нее может скрыть лишь одна могила. / Скот гонят, в плен берут, палат селенья, / От нее стон и плач, нет нам избавленья» [РС, № 18].

Песни о Кавказской войне отражают разные события, от начальных военных эпизодов до заключительных сражений. «В двадцать первом году / Набирал Шамиль орду. / Он набрал, набрал чеченцев / И сказал: на смертный бой. / Братицы, лето наступает, / Будто новая луна, / А Шамиль чечен собирает, / Хочет двинуться на нас, / А мы своим русским сердцем / Не уважим подлеца», — так рассказывает одна из казачьих песен, записанной студентами ЧИГУ в ст. Мекенской (Зап. от Акулины Ивановны Крымовой, 1898 г. р., ст. Мекенская, Наурский р-н, ЧИАССР. Соб. В. В. Сдобнов, 1978 г.) [ПМА]. Встречались близкие варианты и среди гребенских песен о начале деятельности Шамиля, который возглавил «священную войну» с «гяурами» в 1835 г. [Исторические песни 2001, 479].

Как видно из текста, отрицательно оценивается инициатор движения, к которому и далее сохраняется негативное отношение, вплоть до насмешки. Песенный сюжет «Генерал Миллер и Шамиль» — о походе пятитысячного отряда Шамиля в Кабарду, который закончился неудачей, заключают следующие строки: «Нам в добычу все досталось — / Кабардинский весь обоз, / А Шамиль назад убрался / В дураках, повеся нос» [Исторические песни 1948, 91]. Или аналогичная предыдущей концовка песни о взятии аулов Автуры и Гельдиген: «Все бежат, Шамиль бежит / От большого страху. / Говорят, плакал Шамиль, / Рвал свою папаху» [Там же, 95].

Иногда фольклорное произведение представляет собой не столько описание событий, сколько эмоциональную оценку того, что может произойти. Песня «То не черный ворон вьется» начинается с отрицательного сравнения: сопоставляются черные вороны и горцы «в черных бурочках», которые строят завалы, готовясь к наступлению линейцев. Далее в тексте следует пре-

дупреждение: «Горе будет вам, горцы, / Когда линейцы придут. / Они разгонят вас, горцев, / Как орел гусей. / Да порубят вас, горцев, / Как малых детей» (Зап. от Анны Павловны Резниковой, 1910 г. р., ст. Терская, Моздокский р-н, СОАССР. 1979 г.) [ПМА].

В военно-исторических песнях периода Кавказской войны казаки не только прославляли геройское поведение станичников и подвиги военачальников, но и объективно характеризовали тех, с кем сражались. Сохранилась песня («Пыль клубится по дороге») о событии, вошедшем в историю под названием «Дело полковника Волженского», погибшего 19 августа 1832 г. в сражении с превосходящими силами противника под Гудермесом, «где Кази-Мулла с ордою в десять тысяч его ждал». Гребенской полк «не дрогнул, увидавши таку силу пред собой; шашки вынул и помчался на бой смертный с той ордой». Удалые гребенцы бились насмерть: «Орда дрогнула, бежала, / Мы помчались за ней, / Но ждала нас там засада / Из отважных их людей. <...> Собирались чеченцы⁷ / Все отважные бойцы, — / Вот от них-то пострадали / Тогда наши гребенцы...». Гребенским казакам удалось выйти из боя «с тем бесчисленным врагом», который «от страху раступился, путь открылся пред полком», но потери были велики [Исторические песни 1948, 87—88; РС, № 63].

Чрезвычайно популярной была песня о Зырянском⁸ (Зирянском) сидении, повествующая о том, как в ноябре 1843 г. отряд полковника Пассека был окружен в Дагестане большими силами горцев под командованием Хаджи-Мурата и героически оборонялся в течение месяца до прихода подкрепления [Исторические песни 1948, 135; Исторические песни 2001, 480]. Горцы характеризуются как «татарское племя»,

⁷ В рукописном варианте сборника эта строка представлена вариантом: «Вмиг собрались чеченцы».

⁸ Исторически верным является название укрепления Зиряны (Дагестан), но в исполнении казаков звучало «Зыряны»; в тексте, опубликованном Путиловым, вторая строка — «Как стояли в Зеленах» [Исторические песни 1948, 89].

«проклятый басурманин», «нехристь». Однако в поздних вариантах XX в. из воспоминаний об этом событии осталось только описание лишений, которые испытывали «кавказские солдаты» [Исторические песни 2001, 317] и казаки во время осады: «...Мы рогатую скотину / Начистое первели, / Стали есть мы лошадину, / И варили, и пекли; / Вместо соли мы солили / Из патронов порошком; / Сено в трубочках курили, / Распростились с табачком. / Мы рогожи надевали / Вместо бурок и плащей, / Ноги в кожи зашивали / После съеденных коней» [Исторические песни 1948, 89—90]. Именно этот отрывок песни с большими или меньшими подробностями мы неоднократно записывали в гребенских станицах во время фольклорных экспедиций, однако наиболее полный текст сохранился лишь в рукописном сборнике конца XIX в. [РС, № 40].

Нашли отражение в песнях и случаи перехода казаков к чеченцам, не столь частые, но имевшие место в действительности. Такое событие могло закончиться трагически, о чем свидетельствует «Исповедь казака Фролова», опубликованная Панкратовым: «...Прощай, страдалец одинокий, / Казак удалый гребенской, / Молись, уж близок рок жестокий / Позорной казни над тобой. <...> Иди, Фролов! В последний раз / Ты должен с жизнью проститься, / Настал уже твой смертельный час — / Сегодня казнь твоя свершится...» [Гребенцы в песнях 1895, 170]. Довольно большая по объему, эта песня, как отметил составитель в примечании, «не отличается художественною отделкою, требовать которой мы не в праве, ибо она создана простым казаком ст. Червленной, погибшим позорной смертью в 50 г. на станичной площади за переход к чеченцам» [Там же, VIII].

Отразились в песнях взаимоотношения казаков и горцев, которые установились после окончания Кавказской войны. Песня «Для чего кричит татарин» на слова П. Гранадчикова, написанная незадолго до пленения Шамиля [Холмский 1910, 136], построена как обращение к горцу (в рукописном сборнике червленских гвардейцев — 135

с подзаголовком «чеченцам») — лукавому, нечестивому (в рукописном варианте червленцев — *несчастливому*), которого «строгий Магомет накажет», если он будет воевать (в РС — *воровать*). Заканчивается песня таким советом: «*Живи правдой и трудами, / Ты увидишь мира свет, / Тогда с нами, с казаками, / Будешь ближний друг, сосед*» [РС, № 25].

Межэтнические взаимоотношения в сюжетах «Жизнь казаков в Чечне после войны» («Говорят, Кавказу баста») и «Мамуки мои» можно рассматривать как мужской и женский варианты описания текущей послевоенной жизни конца XIX — начала XX в. Закончились военные действия, но — «...Днем работаешь, потеешь; / Солнце скрылось за бугром, / Тут скотину загоняешь / И стоишь всю ночь с ружьем. <...> / Слышишь шорох, оглянулся — Бац с ружья, уже и нет: / Часовой наземь рухнулся, / А скотины простыл след. <...> / Не проходит одной ночи, / Чтобы тихо обошлось: / Бьют тревогу что есть мочи — / Воровство уж началось. <...> Но мы все не унываем: / Пашем, косим, хлебец жнем; / В гости хищных ожидаем, / Ночью рубим их и бьем»⁹ [Исторические песни 2001, 358—359].

Не менее выразительно обрисована картина семейной жизни в рукописном тексте «Мамуки»¹⁰ — уникального произведения, довольно большого по объему (80 строк), который сохранился в тетради Веры Семеновны Дегтяревой (1920 г.р.), учительницы червленской средней школы. Это стихотворение распространено только в Червленной, одно из немногих произведений женского авторского творчества. Молодая женщина жалуется на злую свекровь, ухудшение жизни, воровство и разорение: «*Мужа в службу снарядили — / Корову продали, / Просто в корень ра-*

⁹ Последняя строфа приводится по рукописному сборнику, как более выразительная: «хлебец жнем» вместо «и хлеб жнем» [РС, № 125].

¹⁰ Текст назван по припеву «Мамуки мои!», который повторяется после каждого четверостишья. Мамука — типичная для гребенцов форма обращения к женщинам (мамука, бабука), к мужчинам — дедука, т. е. дедушка.

зорили, / На посмех отдали». Свекровь выгоняет из дома: «*Заселились в избушонке / На куриных ножках. / У детей ни рубашонки, / Цыпушки на ножках. / А тут воры-супостаты / Телушку украли, / Вот уж свиньи полосаты, / Черти б их побрали! / Развелось воров не в меру, / Нет семьи без вора. / Поругали стару веру, / Все погибнем скоро. / Вот ногайцы — бог бы с ними, / Крали они прежде. / А теперь уж вслед за ними / Чеченцы полезли. / Крадут, что ни попадетя: / Платье и подушку, / А как в хатку заберутся, / Крадут и кадушку*» (Зап. от Веры Семеновны Дегтяревой, 1920 г. р., ст. Червленная, Шелковской р-н. ЧИАССР. Соб. Е. М. Белецкая, 1981 г. [ПМА]).

Таким образом, и в послевоенной жизни сохраняются этнические стереотипы поведения, несмотря на изменившиеся условия, и если раньше такой материал бытовал лишь в устных рассказах или преданиях, то в начале XX в. под влиянием литературных произведений создаются подобные зарисовки в стихотворно-песенной форме. Приведенные выше тексты не публиковались по разным причинам, но исторически достоверные факты и события достойны объективной оценки. Совершенно справедливо было отмечено, что в Кавказской войне правда была у каждой из противоборствующих сторон, и теперь, когда эти события «уже давно принадлежат истории, следует отдать дань мужеству ее участников и использовать память о них не для разжигания новой вражды на Кавказе, а для укрепления сложившихся связей между его народами» [Клычников 2003, 45].

Итак, межэтнические взаимоотношения между гребенскими казаками и народами Кавказа, в том числе кровнородственные, складывались в течение нескольких веков. В мирной жизни устанавливались дружеские отношения, куначество и аталчество. Заимствования, которые касались материальной и духовной культуры, этических норм и правил, были обоюдными; природные условия и образ жизни объединяли казаков с соседями, способствовали взаимопониманию и уважению чужих обычаев.

В условиях Кавказской войны казаки участвовали в военных действиях на протяжении десятилетий, выполняя свой воинский долг, однако добрососедские отношения и взаимопонимание война не искоренила. Эти события отразились в песенном фольклоре гребенцов и горцев. Фольклорный репертуар казаков пополнялся песнями горцев, переведенными на русский язык или созданными русскими поэтами, побывавшими на Кавказе. Осуждение войны звучало в стихах М. Ю. Лермонтова и других поэтов, в прозе Л. Н. Толстого. Традиции межэтнических взаимосвязей, имеющие такую длительную и достаточно сложную историю, нельзя предавать забвению, чтобы не повторять ошибок.

Литература

- Агаджанов 1984 — *Агаджанов Ю. Г.* Горький хлеб: Повесть и рассказы. Грозный, 1984.
- Агаджанов 1974 — *Агаджанов Ю. Г.* Песни гребенских и сунженских казаков // Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков / публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю. Г. Агаджанова. Грозный, 1974. С. 11—41.
- Белецкая 2003 — *Белецкая Е. М.* Русские в кавказских расказах Л. Н. Толстого // Грани культуры. Над чем размышляют, о чем спорят культурологи: Сб. науч. трудов. М., 2003. С. 60—69.
- Белецкая 2004 — *Белецкая Е. М.* Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. Тверь, 2004.
- Белецкая 2005 — *Белецкая Е. М.* Украинские песни на Тереке: особенности бытования // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 2005. С. 287—295.
- Белецкая 2007 — *Белецкая Е. М.* Русско-украинский календарно-обрядовый фольклор терских станиц // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В. П. Попова. Краснодар, 2007. С. 329—338.
- Белецкая 2012 — *Белецкая Е. М.* Фольклорные экспедиции на Тереке: история собирательской работы // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15. М., 2012. С. 140—155.
- Великая 2001a — *Великая Н. Н.* Демографические процессы на территории терского левобережья в XVIII—XIX веках // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2000 год: Дикаревские чтения (7). Краснодар, 2001. С. 17—23.
- Великая 2001b — *Великая Н. Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. Армавир, 2001.
- Венков 2008 — *Венков А. В.* Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М., 2008.
- Гребенцы в песнях 1895 — Гребенцы в песнях: сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями / собр. Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.
- Гудаков 2007 — *Гудаков В. В.* Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб., 2007.
- Далгат 1984 — *Далгат У. Б.* Работа Л. Н. Толстого над изданиями кавказского фольклора // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 251—273.
- Заседателева 1974 — *Заседателева Л. Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974.
- Илли 1979 — Илли: Героико-исторические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979.
- Исторические песни 2001 — Исторические песни / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 2001.
- Исторические песни 1948 — Исторические песни на Тереке / подгот. текстов, статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948.
- Калоев 1961 — *Калоев Б. А.* Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. 1961. № 1. С. 41—53.
- Караулов 1912 — *Караулов М. А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.
- Караулов 2008 — *Караулов М. А.* Терское казачество. М., 2008.
- Клычников 2003 — *Клычников Ю. Ю.* «Было дело на Кавказе...» (эпизоды «Кавказской войны» в фольклоре народов Северного Кавказа) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2002 год: Дикаревские чтения (9). Краснодар, 2003. С. 41—45.
- Косвен 1961 — *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Малявкин 1891 — *Малявкин Г.* Станица Червленая, Кизлярского отдела Терской обл. // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 10, № 3. С. 50—68.
- Песни гребенских казаков 1946 — Песни гребенских казаков / публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.
- Песни Терека 1974 — Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков /

публ. текстов, вступ. статья и примеч. Ю. Г. Агаджанова. Грозный, 1974.

Северный Кавказ 2007 — Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007.

Ткачев 1912 — Ткачев Г. А. Станица Червленная: Исторический очерк. Владикавказ, 1912.

Толстой 1981 — Толстой Л. Н. Казаки: Хаджи-Мурат / ил. Е. Лансере. М., 1981.

Утевская и др. 2011 — Утевская О. М., Новикова О. Ю., Атраментова Л. А., Дибирова Х. Д., Балановский О. П., Кузнецова М. А., Почешхова Э. А., Чухряева М. И. Генетические портреты четырех групп казачества: анализ гаплогрупп Y-хромосомы // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 552—553.

Холмский 1910 — Сборник казачьих песен / собр. и издал С. А. Холмский. Курск, 1910.

Чирков 2009-3 — Чирков Ю. Е. Ой, орел, ты орел: Традиционные песни казаков Кавказской Линии Дагестана. Аудиоприложение № 3. СПб., 2009.

Чирков 2009-4 — Чирков Ю. Е. Оставляли мы станицу: Традиционные песни казаков Кавказской Линии станицы Старопавловской. Аудиоприложение № 4. СПб., 2009.

Чирков 2009-5 — Чирков Ю. Е. Оседлая я коня: Традиционные песни казаков Кавказской Линии станицы Баклановская. Аудиоприложение № 5. СПб., 2009.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора.

ПМВ — Полевые материалы Н. Н. Велюхой.

РС — Рукописный казачий сборник конца XIX века казаков 4 сотни Лейб-гвардии его императорского величества конвоя Ф. Рогожина, С. Пимычева, Я. Феньева (ст. Червленная).

СОАССР — Североосетинская Автономная Социалистическая республика.

ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Социалистическая республика.

ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет.

Summary. The article deals with ethnic relations between Greben Cossacks and the North Caucasus people in peace and war, their reflections in the 19th century folklore, in images of the Cossacks and the mountaineers.

Key words: Cossacks, interethnic relations, historical background, ethno-cultural relationships, folklore.

ББК 83.3

УДК 82.0

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

«ПОНАЕХАЛИ ТУТ

ВСЯКИЕ...»:

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЯМИ МОСКВЫ КОРЕННЫХ МОСКВИЧЕЙ И ПРИЕЗЖИХ

Аннотация. В работе рассматриваются стереотипы восприятия приезжих москвичами и москвичей приезжими и прослеживается изменение ситуации за последние сто пятьдесят — двести лет.

Ключевые слова: культурная антропология, социальная антропология, стереотипы, оппозиция «свой/чужой».

В традиционной культуре представитель другого, «иног» этноса всегда соотносится с категорией «чужое». Оценка чужих как людей, от которых исходит опасность, возникла на основе архаических представлений о том, что они связаны с иным миром и обладают сверхъестественными свойствами и отличаются от обычных людей внешностью, одеждой, запахом, обрядовым и речевым поведением (подробнее об этом см. [Белова 1999, 414—418]). Для описания этой чужеродности в языке обычно вырабатывается целый ряд стереотипов, которые представляют собой «особые формы хранения знаний и оценок» [Уфимцева 2000, 253], способствуют «распознаванию, узнаванию и, в конечном счете, взаимопониманию» [Байбурун 1995: 1], становятся социально выработанными опорами действий в определенных ситуациях [Шалина 2005, 203—216].

Стереотипы выполняют в культуре самые разные функции. Они служат определенными ориентирами поведения, фиксируют нормы и правила в виде нормативных постулатов и кодексов речевого поведения, эксплицируют систему ценностей культурного сообщества.

Обычно, говоря о стереотипах восприятия друг другом людей различных